

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборки из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

6.10.13

Ведмица №112

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Что «СКРЫВАЮТ» за иконостасом?

Рассуждая о Таинствах Церкви, мы уже говорили с Вами о том, что Таинство - это определённый священный жест, посредством которого невидимое действует Благодать Божия - так или иначе. Облили человека водой, например, и сказали: «Крещается раб Божий Николай во имя Отца, Аминь, и Сына, Аминь, и Святого Духа, Аминь». Вот и все. После этих слов и погружения в воду, Коля стал крещёным христианином. Почему именно вода здесь необходима? Потому, что так договорились. С Богом. Это заветное действие - как пароль.

Для нас с Вами, как правило, пароль - это какое-то ключевое слово или фраза, хранящаяся в секрете от посторонних. А вот в древности пароли - это часть какого-то предмета. Например, дощечка с каким-либо изображением. Ее разламывали на две части, и одна оставалась, скажем, дома - в семье, а со второй половинкой дощечки уходил в дальние края какой-либо член семьи. И вот если надо было передать важную информацию на родину, через третье лицо, то этому посланнику вручался «пароль» - половинка дощечки, которая должна была удостоверить домашних, что пришедший действительно человек, которому можно доверять.

Т.е., пароль - это некий условный предмет, определённые слова, или действие, заранее согласованное двумя сторонами.

Что касается секретности, то, надо сказать, что в определённый исторический период были христиане, которые так и считали, что Таинства Церкви должны быть сокрытыми от сторонних глаз - зашифрованными. До сих пор сохранились отчетливые следы такого подхода. Если Вы помните, в конце литургии есть такой возглас священника: «Всегда, ныне и присно и во веки веков». «Присно» - это по-славянски - постоянно или непрерывно - здесь проблема устаревшего языка - лучше всего такие слова русифицировать - вместо «присно» возглашать «непрестанно». Ну, с этим «присно» - ладно, а к чему сам этот возглас - **в принципе непонятно**. Ну вот, выходит священник с чашей из царских врат, осеняет крестообразно народ и возглашает: «Всегда, ныне и присно и во веки веков». Что «всегда», что «ныне и присно», что «во веки веков»?

Да, если Вы возьмёте в руки служебник, отыщете это место богослужения, то сразу поймёте, в чём здесь подвох. Дело в том, что священнику предписано «таино» - шепотом, или в уме - произнести слова «Благословен Бог наш», а продолжить - «всегда, ныне и присно, и во веки веков» - уже во весь голос, сколько хватит мочи.

Таким образом, если мы читаем всю фразу целиком - «Благословен Бог наш всегда, ныне и непрестанно и во веки веков» - то все понятно. А если мы слова: «Благословен Бог наш» не слышим, а только - «всегда, ныне и присно и во веки веков», то получается какая-то нелепость. Почему так?

На самом деле всё так и было задумано - такой принцип шифрования литургии был принят христианами 3-го столетия. Так сказать, чтоб никто не догадался.

Ну, Вы помните историческую обстановку, в которой Церковь оказалась после её признания императором Константином. Горстка христиан в Римской империи, уцелевших после двухсот лет страшных репрессий. И вот они, вдруг, объявлены носителями и проводниками государственной идеологии. За государственные деньги стали строить христианские храмы, переоборудовать языческие. Христианство стало религией государственной, имперской. Сам Константин занимался поощрением распространения Евангелия. Быть христианином стало выгодно. И поэтому девяносто девять процентов вчерашних язычников быстренько стали присоединяться к христианам.

Хорошо это было или плохо? На самом деле это кошмар. Это было самым страшным испытанием,

которое ставило вопрос ребром - быть христианству вообще или не быть?

Мы с Вами даже не в состоянии представить себе тот ужас, который переживали тогдашние наши братья и сестры во Христе. Что тогда происходило в храмах - трудно и сравнение придумать. Ну, разве что, вот, помните, в советские времена были «толчки»? Это, кстати, уникальное явление. Молодые люди сегодня даже в фантазиях не вообразят - как это всё было.

О.Иоанн: «85-й год, я учусь в Ленинградской Духовной академии. У меня - японский магнитофончик, с помощью которого я записываю академические лекции, и мне срочно надобится штекер (мини-джек). Ни в каких магазинах ничего подобного купить невозможно было в принципе. Съездить в Японию за штекером можно было только во сне. Остался «толчок». Я узнал, где он собирается, ну и после занятия туда отправляюсь. С виду это был муравейник. Открытое со всех сторон пространство, а в центре «куча-мала» - толпа людей, которые, чуть ли не прижаты друг ко другу - движутся взад и вперед. Каждый что-то шепчет: «Транзисторы, сопротивления, конденсаторы». Кто-то бормочет: «Нужен контур». У меня своя мантра: «Нужен штекер - мини-джек, нужен штекер мини-джек». Вокруг милиция. Периодически тот или иной «орган», так сказать, врывается в толпу и пытается поймать продающего или покупающего. Но тут своевременно звучит тревожный сигнал, и все толпящиеся - как стая птиц - соответственно реагируют на опасность. Тут же закрывают распахнутые куртки, внутренняя сторона которых являет собой витрину радиодеталей, и делают такой вид: «а я что, а я - ничего».

Незваного гостя никто не толкает, однако, не проходит и минуты, как милиционер нежно и аккуратно оттирается на периферию толчка. Штекер я довольно быстро тогда купил и возвращался в свою Альма-матер счастливым, но задумчивым. Мне было совершенно непонятно, за что нужно было преследовать человека, который в домашних условиях изготовил необходимую мне деталь и получил за нее честно заработанные деньги?

Да, но вот сама атмосфера толчка - она уникальна. Рынок - это не то. На рынке - там ряды, выставлен товар, люди рассматривают, пробуют на вкус, торгуются. На рынке все как-то без напряжения. Нет экстрима. А вот толчок - это совсем другое. Вот в храмах Российской глубинки на большие праздники - тоже складывается примерно такая же атмосфера, как и на толчке. В Москве и Питере - не так - люди покультурнее, а в храмах подальше от центра - там вот образуется примерно такая же толкучка. В алтаре литургия совершается, до которой, в сущности, никому нет дела. Тут поближе к выходу - пять гробов с покойниками - другой священник отпевает усопших. В правом приделе - молебен за здравны Федоровской иконе Богоматери. А слева от покойников - крестят младенцев. Вдоль всего пространства очередь за свечами, просфорочками, ладанками, амулетиками, пузыречками с маслом, приложенным к мощам такого-то святого, иерусалимской земелькой, бутылочками с тьмой египетской, тряпочками, пропитанными жидкостью от мироточащих икон и т.д.

Натолкавшись в очереди к свечной стойке и скупив множество «святости», которая должна по идее обеспечить безбедную жизнь, по меньшей мере, лет до ста, «богомольцы» в кавычках, идут толкаться дальше - возле чтимых икон тоже очереди, а многие «гомосоветикусы» пытаются пройти без очереди, и тогда завязывается конфликт, нередко доходящий до потасовки, но побеждает в котором, как правило, наглеиший. А в качестве награды нахал получает возможность поклониться иконе первым.

Если я и преувеличиваю, то очень незначительно. Если кто из Вас не совсем молодой - моего возраста, то наверняка помнит двор Свято-Духовского собора 30-40-летней давности на Крещение Господне. Новгородское вече «отдыхает» полностью. Сама раздача святой воды напоминала военные столкновения сухаринских и забалковских драчунов - помните, как это было? С одной стороны балки толпа мужиков - и с другой, и давай - стенка на стенку - досуг так любил проводить наши деды.

Так вот, толчка на Крещенском водоосвящении была почище питерского толчка. Там просто терлись друг с другом и невольно толкались, а в Свято-Духовском, там руки могли оттопать. С первым бидоном святой воды выходил из толпы сильнейший. Часто это был тип деревенской мощной женщины, могущей левой рукой любому мужику шею свернуть. Юбка порвана, кофта - без единой пуговицы, пальто влочится где-то сзади, но в руках победоносно стиснут заслуженный в боях бидон с освященной Крещенской водой.

Нам с Вами это трудно представить, хотя, может, и не очень трудно. У нас, ведь тоже толкотня образуется на раздаче воды в Богоявление. Конечно, в сравнении с теми годами - это детский лепет - язычники выродились - нет того запала и задора. И зрелищности нет. А то ведь, любо-дорого посмотреть было - цирк - одна бабка уже уцепилась за кран бака и наливает в бутылку воду, а вторая мадам ее за ногу оттаскивает в сторону. А с той женщины одежду всю стянули - кофточкой прикрывается. А если ещё прислушаться к словесам, которыми сопровождалась эти «священные» состязания, то удовольствия - море. Сейчас не тот люд пошел, хилые все стали - культурные комплексы».

Это вот наше вчерашнее язычество в храмах. И не только вчерашнее. Его и сейчас хватает. В нашем

Сретенском соборе язычников мало, но есть храмы, где их намного больше. Имеется в виду, среди постоянных прихожан.

Но особо сильная концентрация язычества обнаруживается практически во всех храмах на такие праздники, как, например, Преображение Господне, и наш храм - не исключение. Люди приходят святить яблоки, виноград, мед, и это, в общем, замечательно. Но мало кто интересуется - зачем это надо? Как правило, мотивация приоблиительно такая - хочу съесть святое яблоко - авось поможет - как в сказке - с молодильным яблочком. Похорошею, помолодею, сила прибавится. Это вот самая обыкновенная языческая мотивация. Христианский смысл-то ведь совсем в другом. Люди приносят поспевшие плоды в храм в качестве жертвы благодарения Богу за урожай. Сказать «спасибо» Всевышнему - за солнце, без которого ничего не вырастет, за дожди, землю и т.д. И главное-то здесь ведь не в окроплении плодов святой водой. Освящение того же яблочка означает, что вот это яблочко я посвящаю Богу. Было мое яблочко, а стало Божиим. Ну а поскольку Бог его есть все равно не будет, я должен поступить с ним так, как предполагается, поступил бы Всевышний: угостить им своего ближнего, родного или друга, а еще лучше - бедного и голодного. Вот это будет христианством, а освятить тонну яблок и все «понадкусывать» - никакое это не христианство.

Вычислять язычников очень просто. Вот в нашем храме легко проследить такое явление. Идет Евхаристический канон, наш Владыка вслух читает молитвы благодарения нашему Небесному Отцу за все благодеяния, оказанные нам - ведомые и неведомые. За жизнь нашу, за вселенную, за Иисуса Христа, умершего за нас и воскресшего и т.д. И вот в этот момент заходит в храм пожилая особа, начинает расхаживать по храму и ставить свечи.

Народ стоит на коленях, молится о призвании Святого Духа на всех нас и на предлежащие Дары, а она расхаживает по храму и расцеловывает иконы. В лице Владыки мы благословляем Евхаристические хлеб и вино, которые тут же прелагаются в Тело и Кровь Христовы, а она озабочена записочкой с именами, которую нужно передать в алтарь.

Вот перед нами отчетливый портрет язычника. Здесь, правда, нужно сделать оговорку. Это не касается тех новеньких, которые первый или второй раз за богослужением. Они, просто ничего не знают, им простительно. Их и одергивать не надо, разве что, вежливо попросить, чтобы немного подождали, постояли на месте до окончания Евхаристического канона.

В нашем храме на несколько сотен человек - ну, может быть, 5 или 10 язычников. Мы их пытаемся перевоспитывать. И, тем не менее, в трагезной части храма на Божественной литургии эти 5 язычников зачастую создают атмосферу, совершенно невыносимую для нормальных христиан. Снуют туда-сюда, туда-сюда, иконы со всех сторон общеловывают, друг с другом разговаривают. Причем, это не новички. Это всегдагдаи храмов, и люди, как правило, в возрасте. Вот молодые, как раз, ведут себя чаще всего нормально.

А представьте себе, если бы в нашем храме, было наоборот - находилось 5 нормальных христиан и три сотни язычников. И вели бы себя, минимум, как эти пятеро. Постарайтесь вообразить себе эту картину. Совершать литургию было бы просто невозможно. Так как, собственно, это и случилось после Миланского эдикта Константина Великого в 313 году. Христиан тогда практически удушили в объятиях язычества. Грозилась полная ассимиляция, полное растворение христиан в языческой массе.

Этого не случилось только лишь по двум причинам. Осознав, что языческий мир для христианства - это море, в котором можно захлебнуться, христиане, во-первых, стали уединяться, бежать из мира. Как Вы знаете, именно тогда, в начале четвертого века, возникает монашество, задача которого была сохранить неповрежденными веру и Церковь.

Ну и дистанцирование с язычниками. Во-первых, в храмах появляется иконостас - это было вынужденным новшеством в Церкви. Передняя часть храма ограждается стеной. Кто от кого ограждается? Духовенство от языческой толпы, которая вела себя в храме ничуть не лучше, чем современные язычники. Т.е., в средней части храма - шум, гам, а в алтаре - относительная тишина, спокойствие и молитвенная атмосфера.

Таким образом обеспечивалась возможность проводить богослужение в огражденном помещении - алтаре. Сюда же имела доступ и какая-то часть верных - церковнослужителей. Ну а те бедняги, которым суждено было оставаться вместе с язычниками, вынуждены были терпеть балаган в храме. Это, во-вторых, а во-вторых, духовенство, которое скрывалось за иконостасом, считало кошунственным произносить молитвы Таинства перед людьми, которые лишены всякого благоговения и страха Божия.

Поэтому договорились так. Каждый настоящий верующий, должен был наизусть знать все литургические молитвы и произносить их самостоятельно - тихо, про себя. Ну а для того, чтобы, так сказать, синхронизировать общую молитву, из алтаря выкрикивались часто ничего не значащие фразы, например, «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». До сих пор в большинстве храмов эта традиция сохранилась. И в Московском патриархате, и в Киевском. Посетите, например, Свято-Духовский собор и побудьте на Евхаристическом каноне. Там Вы ничего не услышите, кроме пения и отдельных

возгласов: «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе, и глаголюще». Что за победная песнь, кто там поет, что вопиет, о чем взывает и о ком глаголет - совершенно непонятно.

Но, если в наши времена - это нонсенс, то в древней Церкви - это было своего рода синхронимпульсом, знаком того, что в алтаре духовенство уже прочитало евхаристическую молитву: «Достоинно и праведно Тебя, Отца нашего Небесного, воспевать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться везде и повсюду... Ты привел нас из небытия в бытие, Ты на небо возвел всех нас, и даровал Царство Твое будущее. Благодарим Тебя и за службу Сию, которую Ты благоволил принять от нас, хотя пред Тобою предстоят тысячи архангелов и сонмы ангелов, херувимы и серафимы... победную песнь поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие».

Вот если человек знает **ВСЮ** молитву, читает её про себя, тогда ему все понятно, и выкрик предстоятеля - «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще» - означает ни больше, ни меньше - условный знак, что все - эта молитва в алтаре уже прочитана - молимся дальше. А для посторонних это скрыто - они ничего не понимают, ну и, дескать, не должны понимать - не досорили.

А далее следуют такие же, вне контекста непонятные для язычников возгласы: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов». Это тоже фразы, механически вырванные из Евхаристического канона. Вы хорошо знаете эту молитву, потому что в нашем храме мы читаем её вслух. «Ты, Господь, сошел на землю и совершил все для спасения нашего, в ночь, в которую Ты был предан, скорее, Сам Себя предал ради жизни мира, взяв хлеб во святые Свои и пречистые, и непорочные руки, благодарив, благословив, освятив, преломив, преподал святым Своим ученикам и апостолам, сказал: «Примите, вкушайте - сие есть Тело Мое, за вас преломляемое во оставление грехов». Также и чашу после вечери взяв и разбавив в ней вино с водой, благословил и, освятив, преподал святым Своим ученикам и апостолам, сказал: «Пейте из нее все, сие есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и за многих проливаемая во оставление грехов» и т.д. Т.е. в контексте молитвы - все понятно. Но в 4-м - 5-м веках христиане не хотели, чтобы всем было все понятно. Можно, конечно, спорить - правильно это было или нет, но изначальная идея заключалась в том, что христиане, стоящие в языческой толпе в средней части храма, должны были наизусть знать эти молитвы, произносить их, по времени ориентируясь по отдельным возгласам священника. А сегодня этого же нет! Произшел обратный эффект. Вместо того, чтобы язычников приобщить к Таинству Святой Евхаристии, отлучили христиан от этого величайшего Таинства. Ведь на сегодняшний день миллионы православных людей, регулярно посещающих православные храмы, за всю жизнь ни разу так и слышали Евхаристический канон, а многие даже и не подозревают о его существовании.

Хор поет: «Тебе поем, Тебе благодарим, Тебе благословим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш» - слова-то хорошие, но это же ничто, в сравнении с тем, что в этот момент совершается в алтаре, - произносится главная молитва, во время которой Евхаристические Хлеб и Вино претворяются в Тело и Кровь Христовы. Абсолютное большинство людей этого просто не знают. А когда в алтаре уже все произошло, народ слышит возглас: «Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии». Ну, ведь, совсем непонятно для нормального человека - что значит «изрядно о Пресвятей...» Даже если перевести это на русский язык. Тогда будет так: ни с того, ни с сего, батюшка из алтаря кричит: «особенно Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Вечнодеву Марию». Все равно не понятно. Что значит - «особенно»?

Это еще один пароль тех старых веков. Без знания литургической молитвы этого не понять. А она читается тайно от людей. Хотя ничего секретного в ней мы не найдем. Вот она: «Ублажаем и достигших совершенства в вере: протцев, отцов, патриархов, пророков, апостолов, проповедников, евангелистов, мучеников, исповедников, воздержников, всякого праведника, скончавшегося в вере, особенно же - Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Вечнодеву Марию». Вот и все.

Так вот, значит, Таинства Церкви иногда имели еще и характер секретности, «запароленности». Хотя в целом это не соответствует православной догматике, и если и была такая практика, то диктовалась она экстремальными условиями. Не от хорошей жизни все это происходило.

Но раньше этот «запароленный» диалог получался. Христиане были осведомлены, что происходит в данный момент в алтаре, а сегодня - практически все в храме уравнивается с язычниками - отлучены от священнодействия Церкви. До сих пор величайшее Таинство Евхаристии в большинстве храмов и Московского патриархата, и Киевского, к сожалению, по старинке сокрыто от своих же братьев и сестер во Христе.

И если было время, когда это как-то оправдывалось, то сегодня это приводит к страшным осложнениям в духовной жизни, о которых, если даст Бог, мы еще с Вами поговорим.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтете нужным.